

Пресса З.А.

1985/4

НА УЛИЦЕ за столиком сидел человек. Перед ним красовались равные лаковые ботинки. — Почему? — спросил я. Человек заломил сумасшедшую цену — под тысячу долларов. И, уловив мой изумленный взгляд, забормотал: — Он сам мне их подарил! Это его собственные, без обмана. «Король» сам мне их дал... Хотите на библии поглянуть?

На библии тоже значились инициалы «Короля». — Это его личная! Он ведь был такой верующий! Хотите, уступлю подешевле, скину сотню-другую...

Я повернулся и пошел прочь. Все здесь имело отношение к «Королю». И все можно было купить — подешевле или дороже. На свете, кажется, не было такой вещицы, на которой еще не выгравировали его имени, не тиснули его парадного портрета. Густо напояженная угольно-черная шевелюра — словно на голову нахлобучен мотоциклетный шлем, мрачный взгляд исподлобья. А в общем простецкое лицо: такие парни сидят по вечерам с банками пива в кабаках штата Теннесси.

И все-таки это был воистину «Король» с миллионами подданных, разбросанными по всему миру. Стадами, по тысяче человек в день, не первый год они стекаются сюда, на окраину города Мемфиса, где на шоссе, переименованном в «Его бульвар», стоит дворец «Грейслэнд». «Король» жил здесь. И здесь же умер. Он продолжает обитать тут обожаемым и высококохудым призраком.

«Грейслэнд» — это его осуществленная мечта. Дом с портиком и белыми колоннами, к которому ведут белые дорожки. Каждое утро их заново засыпают белым гравием, потому что к вечеру поклонники растаскивают целый грузовик камешков.

Мне казалось, что я уже попал на тот свет и брожу среди теней. Сотни людей слонялись на рынке памяти своего идола — отрешенные, отгороженные от этого мира пластмассово-бумажной мишурой. Одна девочка в джинсах тихо плакала, другая испуганно чмокала афишу с его портретом. Никто не обращал на них внимания. Истерия? Она сопровождала «Короля» всегда. А в этом «загроможденном царстве» клокотал, грохотал, чеканил горячую монету бизнес.

В кассах бойко торговали билетами. Шелкая указками, как пастухи хлыстами, 42 гда стремительно прогоняли толпу по апартаментам дворца. Две минуты на комнату — не больше! Хлебните священного воздуха. Взгляните на свою бледную, взволнованную физиономию, отразившуюся в сере-

бряном тазу, где он мыл ноги, — и прочь, мимо вооруженных, с рациями, стражников, на задний двор. Там можно сфотографироваться в его розовом «джипе». Заглянуть в окошко «кадиллака», который он подарил матери, хотя та не умела водить машину. И, освобождая место для новых волн трепещущих поклонников, отправиться в так называемый «сад размышлений», где у фонтана покоится бронзовая

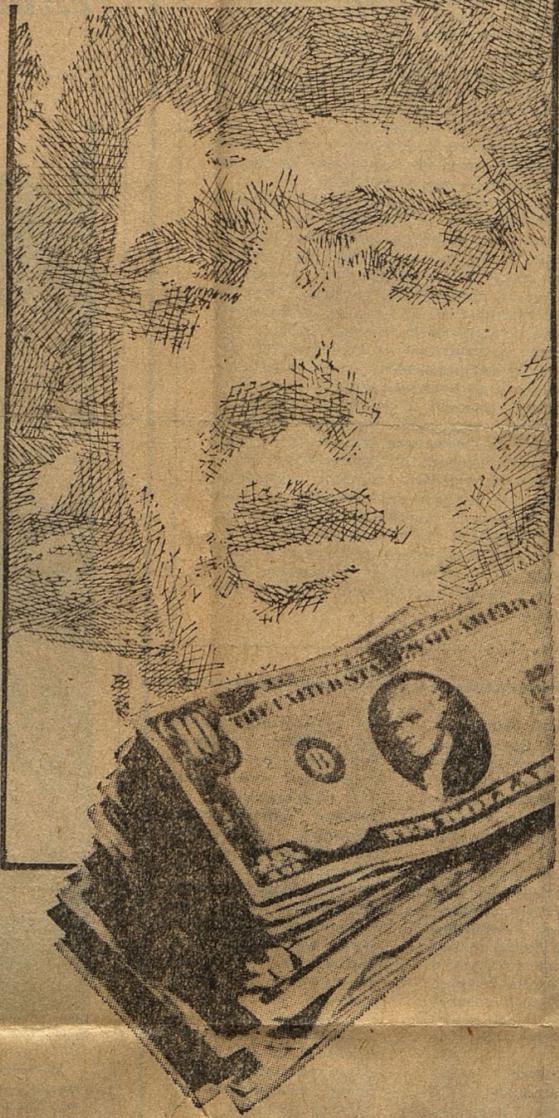
В

Владимир СИМОНОВ, соб. корр. АПН и «ЛГ»

ИХ КУМИРЫ

МУХА

В ЯНТАРЕ

Коллаж А. Остроменченко

плиты с надписью: Элвис Аарон Пресли, 8 января 1935 года — 16 августа 1977 года.

Можно было бы добавить к ней: «Король рок-н-ролла». Но зачем? Сегодня и так ясно, что из истории американской, да и вообще западной музыки его имя не вычеркнешь.

Что бы о нем ни писали в тех 54 книгах, которые вышли в США только за три года после его смерти, он был первым. Квартет «Битлз», ансамбль «Роллинг Стоунз» были уже потом. Все нынешнее половежье рока началось с Элвиса Пресли. Каким-то образом он нашел удивительный сплав негритянских религиозных гимнов, фольклорных напевов и блюза. Сплав, который получил имя «рок-н-ролл».

Рок можно ненавидеть, не замечать или любить. Теперь нельзя лишь отрицать, что это сложный социальный феномен. Для талантливых черных певцов и музыкантов 50-х годов это была дверь к их признанию белой аудиторией. Для нынешней молодежи Запада да и не только Запада, это своего рода второй язык. Для идеологов, восседающих в кабинетах информационного агентства США, это один из видов оружия против ненавистного им социалистического общества.

Как в каждом массовом явлении культуры, в роке легко увидеть и свет, и тени. Личная и творческая судьба Элвиса Пресли — прекрасный материал для раздумий о зигзагах западной массовой культуры. О том, что творят с ее кумирами силы более высокого и жестокого порядка. И, если хотите, о той самой золоченой и воспетой на все лады «американской мечте», на которой якобы покоятся Соединенные Штаты.

При жизни Пресли он и его опекуны продали милли-

ард дисков. А после смерти — еще триста миллионов. Собственно, кажется, Элвис вообще не умирал. Точнее, никогда не жил, как все люди, лишь висел меж бытием и небытием, залитый в целлулоид кинофильмов, в шеллак граммофонных пластинок, как муха в янтаре. Тревор Фишлок, один из проницательных, самобытных биографов «Короля рока», писал: «Элвис Пресли присоединился к маленькой когорте живых мертвецов нашего шоу-бизнеса. Электронные чудеса техники и эксплуатация сделали из его смерти просток какой-то мимолетный антрактик, маленький порожек в потоке обожания и наживы».

Добавим: с наживой после смерти дело обстоит намного лучше, чем при жизни. Кстати, что нашл сам Элвис? Чего он такого достиг, что заставляет от зависти грызть ногти несметную рать поклонников?

В их притихших, благоговейных рядах иду по «Грейслэнду». Зал и залец, набитые дурным вкусом и причудами нувариша. Городской ковбой из Мемфиса крепко усвоил, что красиво — это когда много и богато. Ролью, облепленный сусальным золотом, «Полмиллиона...» — стонет гид, и толпа стонет вместе с ним. В «комнате для игр» в стену вмурован ряд телевизоров. «Король» любил подглядывать за амурными приключениями своей свиты. Другой зал превращен в джунгли: все пятикото-полосатое, по стенам стекают мини-водопады; здесь, говорят, Элвису дышалось свободнее всего...

С той стороны шоссе на все это вымученное великопение уставился тупым носом личный самолет «Короля», на фюзеляже его любимый девиз: «Делай бизнес, и миллионер».

Теперь этим советом руководствуется его наследник — корпорация «Пресли Истейт». Она и разгулялась больше всех, когда Америка отметила недавно 50-летие со дня рождения своего идола. Что, собственно, делало неизбежным появление рока? — спрашиваю я. — Если бы не Пресли, пришел бы другой исполнитель?

Филлипс отбрасывает волосы назад, словно пытаясь помолодеть на три десятилетия. — Тогда в 1950—1953-м я в одиночку записывал негритянских певцов. Много записывал. — вспоминает он. Густому, приученному к микрофоном баритону, кажется, тесно в маленькой студии. — Б. Б. Кинг, Бобби «Блю» Бланд — это все мои, я первый выпустил их пластинки на аиниле, только никто не брал эти диски. Радиостанции воротили нос от черной музыки. Но я записывал и думал: ведь есть миллионы американцев, кто может понять, как выразительны эти напевы. Сколько в них честности и житейской мудрости. Значит, есть рынок!

Прыжок через расовый барьер

Пожалуй, лучше всего поговорить с человеком, который

первым записал Элвиса на пластинку. Все эти годы издательства и репортеры осаждали Сэма Филлипса, «крестного отца рок-н-ролла», владельца маленькой студии в Мемфисе, но тот хранил молчание. «После смерти Элвиса я не сделал на нем ни цента», — с гордостью признался он мне.

Сэм Филлипс рассказал и многое другое. Любая американская газета проглотила бы это интервью не разжевывая и за бешеные деньги. Почему Филлипс дал его советскому журналисту? Конечно, во многом помог наш общий знакомый, профессор Мемфисского университета. Но вертится и другая мысль: не побоялся ли Филлипс, что его не очень привычные слова о личности Элвиса были бы осистаны общественными летописцами прессы?

«Студия «Сан» на Юнион-стрит, 706 подслеповато цурирует опущенными жалюзи двух окошек. Внутри сарай сараем. Никакой аппаратуры, у которой священнодействовал Элвис, никаких матриц дисков не сохранилось. «Все растащили» — всплескивает руками Филлипс.

Филлипс выглядит зрелищно. Атласную черную куртку подчеркивает вышитая гладью надпись «Сэм». Волосы до плеч, борода. Собеседника бурявят горящие, с безумной силой, глаза. «Крестный отец рока» немножко играет в отмеченное божьей благодатью человека-мессии, но сквозь этот демонический облик, сквозь долапа мудреных, с французским проносом — для лучшей важности — слов то и дело прорывается настоящий Сэм Филлипс — человек, одержимый верой в гуманное предназначение рок-музыки. И одновременно — мелкий делец, у которого киты бизнеса выдрали с мясом его удачу.

Витало ли что-то в воздухе в начале 50-х годов, что делало неизбежным появление рока? — спрашиваю я. — Если бы не Пресли, пришел бы другой исполнитель? — Филлипс отбрасывает волосы назад, словно пытаясь помолодеть на три десятилетия. — Тогда в 1950—1953-м я в одиночку записывал негритянских певцов. Много записывал. — вспоминает он. Густому, приученному к микрофоном баритону, кажется, тесно в маленькой студии. — Б. Б. Кинг, Бобби «Блю» Бланд — это все мои, я первый выпустил их пластинки на аиниле, только никто не брал эти диски. Радиостанции воротили нос от черной музыки. Но я записывал и думал: ведь есть миллионы американцев, кто может понять, как выразительны эти напевы. Сколько в них честности и житейской мудрости. Значит, есть рынок!

В масштабах микроскопической страны это был культурный пробел — вдруг грохает кулак по столу Филлипс. Вспомнил, видать, что великий человек должен изъясняться покупателю. Но маска скоро спадает, Сэм отходит, возвращается к своему естеству. И вспоминает, как мечтал найти белого исполнителя, который бы пел, как черный. Не копировал бы, не пытался имитировать. А взялся бы за ту музыкальную нить общего жизненного опыта, что связывает черного бедняка с белым бедняком. Рабочего с рабочим, понимаете? И чтобы не украсть ни у того, ни у другого, понимаете?

Счастливым случай вломился в студию «Сан» летом того года в облике парня со смолными волосами. «У матери, значит, день рождения, ну, я вот записать ей песенку надумал». Это был Элвис. Песенки его резали ухо, были не акти, но Сэм Филлипс благодарит бога, что сумел понять: гортанный, с придыханиями голос, пронизанное негритянской тоской исполнение баллада, взрывной, вулканический темперамент — вот что было нужно в тот момент.

Ну, а на ваш вопрос отвечу так. — Филлипс выдерживает паузу. — Думаю, это могло случиться и без Пресли. Элвис дал нам энергию, которая так нужна автомобилю в холодное утро, когда батарея не тянет. Но это не значит, что машина бы не завелась, не подоспел бы он...

И Сэм откидывается в кресле, восхищенный собственным красноречием. Тогда, в 1954-м, первые записи Элвиса никого особенно не восхитили. Напротив, их восприняли как бесовское покусение на мораль и традиции. Диск-жокеи ука-радиостанций топтали и били пластинки с рок-н-роллом, словно в них было нечто возмутительно неприличное. Что, собственно, могло шокировать обывателя в том «послании», с каким обращался к нему Пресли? Ничего! «Люби меня нежно», «не будь жестокой», «позволь мне быть твоим игрушечным медвежонком» — все это можно было мурлыкать за воскресным семейным обедом после заутра в церкви.

Где же таилась потрясения истоков? В звуке. В пресечении запретных расовых барьеров. «Переворот был в том... — признает сегодня в журнале «Мазер Джоунс» музыковед Ариэль Свортли, — как Элвис Пресли соединил вместе греховное звучание южного блюза с безумным, вырвавшимся наружу экстазом «Госпел» (негритянского церковного песнопения. — В. С.).»

Какими запомнились те годы Сэму Филлипсу, соавтору новой музыки? — Сопротивление! Такое было сопротивление! — и-и-и-гу!

Люди услышали эту музыку, и она не очень-то была похожа на Глена Миллера, на его большой танцевальный оркестр, хотя большое спасибо Глену за черт-те сколько прелестных вещей. Миллер, Синатра... Все было приотро сладко — и вдруг грохнул! Рок! Пресли сразу проклины. И знаете кто? Крупные фирмы звукозаписи. Те самые, которые потом дошли из него чистое золото. А тогда стоял крик: «Это музыка тотального разрушения нравственности!»

Фабрикантов сладкой музыки особенно возмутили не равные ритмы рока, а то, что Пресли выступал под аккомпанемент вокального квартета «Джорданерс». И тут черномыслие! — Я всегда говорю: в нашей музыке может быть, больше расовой сегрегации, чем где-либо еще в Америке, — обескуражено крутит головой Филлипс. — Поэтому, думаю, у Элвиса все-таки не отняли социальной значимости. Дело не в содержании его песен, а в самом характере его творчества. Антирасистском характере — конечно, на первых порах... Он, Элвис, не был композитором. Не гонялся за глубокой философией. Тем не менее ему близка негритянская душа, он сам вырос на хлопковых полях, хорошо разбирается в сложностях жизни. Послушайте-ка его балладу «В гетто»...

Тут Филлипс опять заносит в сторону собственного исторического величия. Да что там Пресли! Ну паренек не без дара божьего, ну, «Король рока». А кто был этому «Королю» отцом, матерью, братом? Кто играл на струнах его души, как на кнопках и рукоятках магнитофона? Он, Сэм Филлипс...

Зачем же вы тогда продали его? — задал я немилосердный вопрос. — Кого? — Филлипс явно не ожидал, что я копнул биографию идола так глубоко. — Элвиса. В 1953 году. Продали его на корню концерну «Ар-си-эй Рекордс», не так ли? За какую цену, интересно?

Душа поблела Филлипс сникает, из веле-речивого творца «музыкальной революции» он мгновенно превращается в мелкого неудачника, которого обобрали средние бела дня. Не удержал, не удержал... И я слышу уже не гром проповеди, а вздох застарелой обиды на всех вокруг, а лучше всего на эту неверную, вертлявую дамочку — рыночную конкуренцию.

Денги! Понимаете, так нужны были денги! Хотел укрепиться, сделать из «Сан» живую, независимую фирму. К тому же жена, двое малых детей в руках. Жили, как у нас говорят, «из кармана — в рот»: что зарабатывал, то и проедал. Ну, смотри,

«Колумбия» заплатила чикагской фирме «Смеркьюри» за певца Фрэнка Лейна 25 тысяч долларов. А Элвис хуже, что ли, товар? Ну, я запросил за него 35 тысяч и часть потиражных. Думал — заломил, думал — не согласится. А они цап! — и схватили...

Первые записи Пресли под маркой «Ар-си-эй» сделали из него национальную знаменитость. Юное поколение, и прежде всего рабочая Америка — те, кто шоферил на рейсовых грузовиках, потел в чаду на бензоколонках, стоял за прилавком мелких лачонок, прислуживал в ресторане — эта Америка, узнавшая во взлете Элвиса свою мечту, с ума сошла по великому кумиру, а тот откалывал на сцене такие колнца, что телевизионные решало показывать его только от талии и выше.

«Король» воцарился на своем троне. Но недолго длилось безмятежное царствование! Всего три года. В 1958 году по роскошной шевелюре Пресли прошлись ножницами — забрили на военную службу.

«Элвис умер в тот день, когда он пошел в армию», — скажет позднее Джон Леннон. Он имел в виду симпатию тех своих единомышленников, для кого армейская униформа пахла гарью вытнанских деревьев. Нет, «Король» умер раньше.

Разрушение всего музыкально-интересного, бунтарского в Элвисе Пресли началось в тот миг, когда он попал в холеные, крепкие рученьки своего импресарио — полковника Тома Паркера, а тот зарлат на струнах его души, как на кнопках и рукоятках магнитофона? Он, Сэм Филлипс... — Зачем же вы тогда продали его? — задал я немилосердный вопрос. — Кого? — Филлипс явно не ожидал, что я копнул биографию идола так глубоко. — Элвиса. В 1953 году. Продали его на корню концерну «Ар-си-эй Рекордс», не так ли? За какую цену, интересно?

Душа поблела Филлипс сникает, из веле-речивого творца «музыкальной революции» он мгновенно превращается в мелкого неудачника, которого обобрали средние бела дня. Не удержал, не удержал... И я слышу уже не гром проповеди, а вздох застарелой обиды на всех вокруг, а лучше всего на эту неверную, вертлявую дамочку — рыночную конкуренцию.

Денги! Понимаете, так нужны были денги! Хотел укрепиться, сделать из «Сан» живую, независимую фирму. К тому же жена, двое малых детей в руках. Жили, как у нас говорят, «из кармана — в рот»: что зарабатывал, то и проедал. Ну, смотри,

пичкала его там бутербродами с ореховым маслом и бананам, как пичкают индейку, уготованную на рождество. А заодно и наркотиками. Одуманным, заросшим жиром «Королем» легче управлять. Одним прекрасным утром 1973 году Пресли покинул своего телохранителя Реда Веста. «Король рока» обливался по-тому, оплевывал щеки дрожали: — Черт тебя побери, Ред, тебе что, не ясно? Не ясно, что его нужно прикончить? Найдите человека, найдите убийцу... пусть его уберут! Я бы на твоём месте нашел такого молодца за 10 секунд. И ты найдешь! Давай, поворачивайся!

Речь шла о том, чтобы пристрелить Майка Струона, инструктора по карате, с которым сбегала жена Пресли Присцилла. Разве не так поступают ковбои в кино? Телохранитель позвонил куда надо. И убийцу нашли. Тот запросил 10 тысяч долларов. Тут, правда, «Король рока» дал задний ход.

Что убило Элвиса? — спросил я в той двухчасовой беседе Сэма Филлипса. — Он с жаром стал живописать дурную наследственность Пресли, его слабое сердце. Толковал о том, «как трудно в нашем ремесле удержат место наверху, не скатиться вниз». И кончил доверительно, будто открывал какую-то тайну: — Понимаете, он, Элвис, ясное дело, сидел на наркотиках. Никакого сомнения. Никакого! Я не оправдываю его, а только пытаюсь объяснить... люди вокруг него, «мемфисская мафия»... Чем больше Элвиса затягивали наркотики, тем меньше он становился самим собой... Ум помутнел, душа поблела...

16 августа 1977 года около 2 часов дня очередная подружка нашла Элвиса Пресли на полу в ванной. Шелковая пурпурная пижама шикарно распахнулась на голубом ковте. Токсикологи обнаружили в крови 14 разных наркотических препаратов. На суде личный врач Джордж Никопулос признавал, что за три последних года прописал своему подопечному множество доз спотворенных, успокоительных и «веселящих» снадобий.

Никопулос оправдал. Полковник Паркер, «Ар-си-эй» и «Пресли истейт» стригут все более крупные купоны. А парень из Мемфиса лежит под бронзовой плитой в гробу, оборудованном специальным устройством против воров. Поклонники уже раз пытались выкопать его тело.

Итак, что же убило Элвиса Аарона Пресли? Аритмия сердца? Наркотики? Думаю, нет. Его убила «американская мечта»,

НЬЮ-ЙОРК

Историческая фотография г. Москва

27 апр 1985